

В. А. Иванов

КОНТРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДИ ГОМОСЕКСУАЛИСТОВ ЛЕНИНГРАДА В НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ И ИХ ПОГРОМ

В августе-октябре 1933 г. Полномочное представительство ОГПУ в Ленинградском военном округе (далее — ПП ОГПУ в ЛВО) предприняло оперативную ликвидацию притонов гомосексуалистов путем арестов их актива и задержаний многочисленных клиентов, проживающих в Ленинграде и его окрестностях. Проводимые мероприятия явно выходили за рамки так называемых «паспортных операций», осуществленных еще зимой 1932 – весной 1933 г. Они не перепоручались органам городской милиции и не предавались широкой огласке. Разработкой операции и ведением объединенного следственного дела занимался Секретно-Политический Отдел (далее — СПО) ПП ОГПУ в ЛВО по причине «особого характера» этого мероприятия, подчеркивая при этом контрреволюционную направленность деятельности данных притонов.

Злые языки в городе, перепевая разного рода эмигрантские и доморощенные сплетни, поговаривали о зачистке Ленинграда от «зиновьевской клиентуры», намекая при этом на якобы неудержимую бисексуальную страсть «Гришки Второго» (кличка Г. Е. Зиновьева по аналогии с Г. Е. Распутиным)¹, которую он якобы «пригрел» здесь, оберегая ее от преследований. Теперь же, когда положение «хозяина» резко осложнилось, у местного ГПУ были развязаны руки по отношению к этой публике и т. п.²

В самой среде гомосексуалистов Ленинграда, испуганных столь неожиданным для них повальным изъятием и изоляцией, на этот счет высказывались самые разные суждения. Одни утверждали о «коварстве более могущественных конкурентов», обделенных педерастической молодежью и прибылью, другие сетовали на «потерю чутья и конспиративности», неприкрытую групповщину, публичность сходов и «торгов» и др. Поговаривали также о «международном заговоре» против гомосексуалистов всего мира, особенно после февральских событий 1933 г. в Германии, ареста поджигателя Рейхстага гомосексуалиста Маринуса Ван дер Люббе и устранения Гитлером своего ближайшего сподвижника Рема, заговорщика и педераста³. Считалось, что Сталин не упустит возможности использовать все эти и другие обстоятельства, чтобы

окончательно расправиться с оппозиционерами в рядах партии, «опоганив» их имя, честь и достоинство.

Говорили и о том, что возвращающиеся в массовом количестве из ссылки и из мест заключения бывшие кулаки и уголовники несли в городскую среду эти дурные страсти и извращения, увеличивая число пораженных венерическими заболеваниями. Упоминались и беспризорные дети, которых только к июлю 1933 г. в городе и его окрестностях было задержано около 4,5 тыс. человек, еще не задержанными оставалось примерно 1,2 тыс. детей⁴. Один из местных чиновников писал в этот период в ГК ВКП(б) А. И. Угарову «Нас одолевают беспризорные дети...»⁵, которых только в 1930–1932 гг. было арестовано в Ленинграде за совершение уголовных преступлений почти 10,5 тыс. человек⁶. Некоторая часть из них была втянута в педерастические связи, развращая в свою очередь окружающих их детей и подростков.

Как и предполагали городские власти, проводимые акции по задержанию гомосексуалистов не вызвали сколько-нибудь публичного обсуждения и реакции «встревоженной» общественности. Отчасти это объяснялось не только «половой самозакупоркой» (по А. Б. Залкинду) советских граждан, но и, как замечал И. С. Кон, ссылавшийся в свою очередь на Ш. Фицпатрик, живучестью в российском обществе этого периода «традиций сексуальных стандартов», не противоречащих морали⁷. С этим утверждением вполне корреспондировалось и другое заключение, что ни тогда, ни позднее достоверных сведений о том, в какой степени гомосексуализм был распространен в СССР, не существовало⁸. Вскоре руководители и исполнители заметили, что эта прослойка «нетрадиционалистов» в Ленинграде была ничтожно мала и не представляла для могущественного партийно-советского ордена никакой опасности. В тоже время, подлинная причина столь свирепого гомофобного террора не совсем прояснена и не изучена до сих пор. Утверждения же американских геев, участников первой в СССР Международной конференции гомосексуалистов (июль 1992 г.) о том, что «...русские активисты из лесбиянок и геев в самые бурные периоды перемен, начиная с 1917 года, боролись за то, чтобы их голос был услышан...»⁹, мягко говоря оказались далеки от истины.

Нами установлено, что каких-либо воззваний, призывов, движений, и уж тем более гей организаций в Ленинграде в 1920-1930-е гг. и позже, они не предпринимали и не имели, а перехваченное в январе 1934 г. контрразведкой ЛВО «Открытое письмо московских и харьковских гомосексуалистов г-ну Маринусу Ван дер Люббе» оказалось доступным небольшому числу ленинградских педерастов, некоторые из которых «разрабатывались» по совершенно другим оперативным материалам¹⁰. Все, что произойдет с ними во второй половине 1933 г., по праву можно назвать «сексуальным термидором», который, по мысли И. С. Кона, был, одним из элементов общей социально-политической реакции в стране, «действительно начавшейся в 1930-е гг.»¹¹.

Вполне можно заключить, что причины этой первой в истории советской России масштабной «зачистки» в среде гомосексуалистов носят куда более сложный и противоречивый характер, чем это представляется на первый взгляд, и отражают системно-хаотичные, социально-экономические, политико-идеологические, медико-психологические, криминологические, культурологические и иные «болезни» советского общества. С начала 1930-х гг. оно окончательно потеряло сохраняющуюся еще с 20-х гг. статусную определенность и гражданско-правовую институциональность, насильственно «перепрограммированные» в формат сервильных отношений со всевластным государством. Явно активизировался процесс штамповки «социальных ингибиторов» — адептов революционного философского ремесленничества большевиков в вопросах пола и сексуальности, «антикоррозийщиков» общественной морали и нравственности, еще недавно громогласно заявлявших о своей терпимости к сексуально-гендерному диссидентству¹².

Вот уж действительно была права Е. Кербер, утверждавшая в 1933 г., что «В советской России все происходит не так, как ожидаешь»¹³. Не случайно пролетарская революционная брутальность как антипод буржуазной изнеженности, чувственности и утонченности, становится характерной чертой поведения «коммунистических гераклов», расчищающих «авгиевы конюшни» общественной, групповой и личной безнравственности и половой извращенности.

Упомянутая выше Ш. Фицпатрик, анализируя невзгоды городской жизни 30-х гг. в Советском Союзе, утверждала, что в городе все шло кувырком. Ссылаясь на воспоминания одного американского инженера, работавшего в этот период в Советской России, она подчеркивает крайнюю одичалость и ужасающий физический облик городов начала 1930-х годов. Созданию атмосферы дикости и беззакония, пишет она, способствовали бессилие органов правопорядка, плохие жизненные условия, пьянство и скопление беспокойных одиноких мужчин...¹⁴

В некотором смысле в Ленинграде к этому времени было «излишне много»: казарм (военных, сотрудников милиции и др.), насилия (государственного, бытового, уголовного и т. п.), неустроенности (жилья, аборт, разводов, самоубийств и т. п.), патологии (пьянства, хулиганства и пр.), распущенности и развращенности. Н. М. Аничков, комментируя содержание путевых заметок немецкого патолога Людвиг Ашшофа, путешествующего по советской России в 1930 г. вынужден был констатировать глубочайшее разочарование известного ученого всеобщим упадком уровня жизни и нравов советских людей в этот период¹⁵.

К началу 1933 г. Ленинград напоминал большой перевалочный пункт со всеми характерными для него атрибутами: хаотичностью движений различных групп преимущественно из лиц мужского пола, снующих по городу, а также

заметного присутствия граждан в форменной военной одежде, довольно свободно и беззаботно болтающихся у кинотеатров, пивных и в парках. Арестованные чуть позже «организаторы педерастических салонов в Ленинграде» практически в один голос утверждали, что в городе в любое время в общественных местах можно было найти клиентов из числа краснофлотской и красноармейской молодежи¹⁶. Неслучайно еще в конце 1930 г. в своем циркуляре № 293/СОУ «О раскрытой контрреволюционной организации и об усилении персональной проработки всех бывших офицеров, академиков царской армии, находящихся на службе в Красной Армии» ОГПУ при СНК СССР указывало на своеобразную вольницу в воинской дисциплине, массовом хождении по городу военнослужащих и прикомандированных, пьянстве среди них и преступлениях¹⁷.

Ничего не изменилось в частях, на военных предприятиях Ленинграда и после этой ориентировки. В июньском циркуляре ПП ОГПУ в ЛВО № 16163 «Об активизации деятельности иноразведок, в связи с оперативным ударом по шпионско-диверсионному элементу, нанесенным операциям 1933 года», вновь указывалось на неорганизованное пребывание военных в Ленинграде, их сомнительные связи и времяпрепровождение и т. п.¹⁸ Только за 1926-1932 гг. население Ленинграда увеличилось на 182 % и достигло 2,8 млн человек. Так, в 1931 г. прирост населения города составил 454 тыс. человек¹⁹. При этом доля мужского населения заметно превышала женскую часть горожан.

Вместе с этим увеличилось и количество преступлений, в том числе на бытовой почве. Пьянство, семейное насилие, злостное хулиганство, изнасилование — нагнетали в городской среде атмосферу грубого мужского доминирования и агрессивности, порождали чувство незащищенности, особенно у подростков и молодых мужчин. Практически за один только 1933 год количество простых и вооруженных убийств, а также краж всех видов возросло почти до 49,5 тыс.²⁰, а самоубийств — более чем на 850 случаев²¹. При этом почти 52 % преступлений совершили взрослые мужчины, тогда как около 44 % самоубийств выпали на долю юношей и молодых мужчин, заметно превысив показатели по женской группе всех возрастов.

Проходящий по делу ленинградских гомосексуалистов И. И. Хабаровский 16 августа 1933 г. так характеризовал общую обстановку в стране и городе, переживаемую в том числе и педерастами. «Знакомясь с тем или иным лицом, я приглашал к себе домой (М. Детскосельский пр., д. 38, кв. 56. — В. И.), где напоив водкой с соответствующей беседой о плохой жизни и невозможности свободно чувствовать себя в условиях советского строя, давящего и делающего из людей автоматов, а потому, как следствие — заставляющих искать выход из этого в водке, наркотиках и оргиях, дабы забыться...»²²

Неоднократно бывавший на квартире С. А. Степанова (Ланского) — фигуранта следственного дела по обвинению 12 гомосексуалистов Ленинграда, М. В.

Колоколов показывал на одном из допросов, как он наблюдал (Лиговская ул., д. 10, комн. 126. — *В. И.*), что все собравшиеся у него педерасты «...считали себя по своей духовной организации рафинированнее, выше и тоньше современников. В гомосексуализме они видели ломку шаблона общепринятых человеческих муже-женских отношений. Проповедовали его как высшую утонченную культуру эмоций, до которой не дорости “хамью современности”»²³. Хотя все «богемщики», кроме М. В. Колоколова (быв. дворянин), происходили из крестьян, рабочих и служащих, хамьем и быдлом они называли по сути всех «традиционалистов» в сексуальных отношениях.

Изучающая этот период С. А. Чуйкина довольно точно подметила, что начиная с первой пятилетки, страх перед государством и чувство незащищенности от произвола властей стали неотъемлемой частью мироощущения советских граждан, носителей прошлой культуры и нравственно-этических представлений и т. п.²⁴ Для этого были вполне очевидные причины.

Во-первых, центральные и местные власти пытались исправить упущения в деле учета и регистрации населения, усилив с конца марта 1931 г., после объявления Главным управлением милиции и Уголовным розыском при СНК РСФСР циркуляра № 32–66 «Об упорядочении работы по учету движения населения», меры по «персонификации» общей регистрации граждан советской России. Нормативный правовой акт обязывал их более детально изучать регистрируемых граждан, иметь полные сведения о них, в том числе частного характера²⁵. Сфера личных (в том числе полоролевых предпочтений) соседей по квартире становилась с этого периода официально обсуждаемой, хотя и не сопровождалась пока массовыми карательными акциями.

Во-вторых, вводя повсеместно с января 1933 г. Инструкцию Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР № 3647/60с по регистрации преступников, учету преступлений и мест их скопления и по розыску лиц, Управление рабоче-крестьянской милиции г. Ленинграда и области напоминало, что теперь обязательной регистрации (впервые за учетную практику. — *В. И.*) подлежали «все первичные бытовые преступники из среды трудящихся в том числе если они совершали преступление в целях удовлетворения своих низменных потребностей...»²⁶ И хотя преследование любителей анально-генитальных отношений официально вводилось постановлением Президиума ЦИК Союза ССР лишь 17 декабря 1933 г. («Об уголовной ответственности за мужеложство. — *В. И.*), регистрации подлежали все лица, уличенные в этом, или по заявлениям граждан. Сотрудники милиции совместно с медицинскими работниками были обязаны выяснять при этом только вопросы степени «добровольности» и «насилия». Уголовному наказанию подлежало лишь насильственное мужеложство, которое охватывалось составом изнасилования²⁷. К процедуре «учета», а заодно и

профилактики, подключили добровольные формирования из числа актива и общественников.

Таким образом, уже с самого начала 1930-х гг. власти в центре и на местах по сути выступили организаторами кампании по выявлению и шельмованию гомосексуалистов, отобилизовав на их фильтрацию все силовые подразделения и общественность.

Особенно эти усилия властей проявились в ходе установления с конца 1932 г. в СССР единой паспортной системы и обязательной прописки паспортов. Помимо многих функций паспортизации советских граждан, выявленных исследованиями В. П. Попова, Э. В. Суслина и др.²⁸, совершенно незамеченной оказалась еще одна задача по сбору в ее ходе так называемых «компрометирующих» материалов. Только по Ленинграду за период паспортизации с 27 декабря 1932 г. по 17 января 1933 г. было выявлено 2,5 тыс. лиц, на которых были получены компроматериалы разного содержания²⁹.

«Отранжировав» полученный материал по степени оперативной важности и подучетности, отложив в сторону «до лучших времен» компрометирующие сведения на лиц, подозреваемых в гомосексуализме, в учетно-статистическом отделе ПП ОГПУ в ЛВО смогли более или менее структурировать его лишь к лету 1933 г. Похоже, в этих кратких сообщениях не содержалось никакой «контрреволюционности» и состава преступления. Последующие события показали, что аресты и задержания ленинградских гомосексуалистов осуществлялись, что называется, «с колес», как правило, по полученным данным от допрашиваемых педерастов. Вряд ли «выкосили» их ряды и паспортные операции, в ходе которых за одиннадцать месяцев 1933 г. из Ленинграда было выселено почти 78 тыс. человек, так как практически все арестованные летом-осенью этого года педерасты вполне успешно прошли процедуру прописки новых паспортов³⁰. Между тем, именно массовые паспортные «чистки» наглядно показали всю степень незащищенности общества от проявления охранительной функции советского государства, очистительного замысла властей.

Общей атмосфере неуверенности и раздраженности, неустроенности личной, приватной жизни и отношений в городе способствовали конфликты в жилищной сфере. При стремительно возрастающем количестве его населения с начала 1930-х гг., в обеспечении жилой площадью явно возникла коллапсирующая ситуация. При официально отмеченной численности горожан в 2,8 млн человек, в 1932 г. в Ленинграде насчитывалось всего 15 449 тыс. кв. м жилого фонда³¹. Однако следовало иметь в виду, что в эти расчеты входила вся общая площадь так называемого «жилого фонда», а не только «спальные места». По подсчетам специалистов, в 1932 г. город нуждался как минимум в 1500 тыс. кв. м³². Спрятанные директорами по оргнабору на территориях заводов,строек и разных учреждений города, рабочие с их семьями в этот

расчет не входили, усложняя тем самым и без того невыносимые условия своего существования. Как подмечали В. С. Измозик и Н. Б. Лебина, эти условия жизни приезжих повергали в ужас даже выдавших виды функционеров из Москвы³³. Как показали материалы уголовных дел по ленинградским гомосексуалистам, некоторые молодые «отходники» из числа этих рабочих становились легкой добычей местных педерастов. Практически публичными оставались в этот период и интимные, эротически-чувственные отношения мужчин и женщин в условиях городских коммуналок и общежитий.

Невероятно тяжелые жилищные условия заставляли семьи ютиться на ничтожно малой площади и в значительной степени провоцировали уход мужей, особенно после рождения ребенка³⁴. К тому же, как замечают Н. Б. Лебина и М. В. Шкаровский, «женщины первой в мире страны социализма категорически не хотели рожать детей»³⁵, довольно часто прибегая к искусственному прерыванию беременности. Так, из официально зарегистрированных в 1932 г. 147 337 зачатий чуть более 90 тыс. были прерваны, что составило 61,1 % к числу зачатий. В 1933 г. это вмешательство возросло почти до 70 %³⁶. Часть фигурантов дел ленинградских гомосексуалистов утверждала, что в семейных отношениях они довольно часто испытывали состояние физиологического и психического утомления и острое чувство жизненного безвкусица. Половое равнодушие нередко вызывало у них и половое отвращение к женщине как любимому партнеру. Многие из них опасались роста вероятности «подхватить» венерические болезни, учитывая, например, то обстоятельство, что к началу 1930-х гг. в Ленинграде до совершеннолетия половые отношения начинали 77,5 % юношей и 68 % девушек. При этом значительная часть молодых людей имели одновременно по 2–3 интимных партнера³⁷. Возросло число разводов пар, не проживших и года. В 1933 г. в Ленинграде их число превысило 12 тыс., не считая тех «гражданских союзов», в результате которых довольно часто появлялись дети³⁸.

Стремительное распространение пьянства, рост алкоголизации, и как следствие — смертности населения Ленинграда, неприкрытая похабщина, массовое хулиганство среди молодежи и подростков вели ко вседозволенности, повальному хамству и распущенности среди жителей города. Арестованные летом-осенью 1933 г. педерасты не сговариваясь утверждали о том, что места их публичных сборов, «смотрины» и «свадеб» были известны в городе абсолютно всем, и что на них можно было довольно часто встречать «людей в форме и хорошо узнаваемых творческих личностей»³⁹. Обвиняемый в содержании педерастического салона Л. К. Лисенко признавался 14 августа 1933 г.: «Не может быть, чтобы все было так мерзко. Разве педерасты не люди, не работники тех же предприятий, не члены профсоюзов, а иногда и партии? Не может быть чтобы все педерасты были “Сережами-Пупсиками”, ведущими свою контрреволюционную агитацию на глазах милиции в Екатерининском сквере»⁴⁰. Эти признания местных гомосексуалистов, в протоколы допроса которых местные чекисты, везде вписавшие слоган

«контрреволюционная(ый)», косвенно подтверждались жесткими требованиями приказа ПП ОГПУ в ЛВО № 307/с от 7 сентября 1933 г. «незамедлительно очистить город и пригород, общественные места от разного рода разложившихся, асоциальных типов...»⁴¹

В начале 1930-х гг. «коронными» местами постоянных публичных сборищ гомосексуалистов в Ленинграде, как и прежде, были Екатерининский сквер у Александрийского театра, который в их кругах получил название «катькиного зада»⁴², а также новый (к 1933 г. — *В. И.*) общественный туалет у Московского вокзала, где только в этих местах в выходные дни, по утверждению арестованного В. Д. Малюкова, собиралось до 150–200 сторонников однополый любви. До лета 1933 г. излюбленным местом встречи питерских геев был и бульвар Профсоюзов (до 1918 г. — Конногвардейский. — *В. И.*), но после стихийно возникшего там мордобоя и разгона последних со стороны краснофлотцев — переместился, заметно умножив «колонию» педерастов у общественных туалетов в районе Аничкова моста, консерватории (Театральная пл.), моста лейтенанта Шмидта, на пл. Островского и в пивной на пр. Володарского. Статус «элитных» мест поддерживали тусовки гомосексуалистов в Александровском саду (с 1936 г. — Сад трудящихся. — *В. И.*), прозванном педерастами «Потником» и «Аликзадиком», и саду у городского цирка Чинизелли (по имени Г. Чинизелли — главы гастролировавшей в Петербурге цирковой семьи. — *В. И.*), прозванный педерастами «собачьим». К «небогемным салонам открытого типа» в этот период относился Таврический сад (с 1930 г. ПКиО им. Первой пятилетки. — *В. И.*), особенно после устраиваемых там периодически стихийных разгонов надоедливых гомосексуалистов силами красноармейцев и краснофлотцев. По свидетельствам педерастов со стажем, в «тавриде» были самые дешевые клиенты из числа рабочей и армейской молодежи. «Постоянные дежурные точки» педерастов, со слов все того же Л. К. Лисенко, обретались «в туалетах во дворах, близ лежащих домов по Невскому и Толмазову переулку (во дворе к/т „Аврора“)»⁴³.

О том, что происходило в этих и подобных им туалетах, рассказывал все тот же многоопытный педераст Л. К. Лисенко: «В общественных уборных... собираются педерасты, устраивая в них не только массовые совокупления друг с другом, но и хватая входящих посетителей за член и понуждая их к половому сожителству. При этом практикуются, как онанизм, так и педерастия чередующаяся с минетом. Потрясающее бесстыдство этого дикого разврата заставляет ошалевших людей иногда беспрекословно подчиняться ему...»⁴⁴ Говоря о «педерастической рекламе», Лев Константинович, проходя одновременно и по отдельному следственному делу по обвинению гомосексуалиста И. Н. Скобелева, живописал: «Зайдя в любую общественную уборную, бросаются в глаза надписи сделанные педерастами об их готовности служить для общего пользования где и как угодно. Надписи подкрепляются

соответствующими им рисунками. Здесь же указания — приди тогда-то и туда-то»⁴⁵.

Как могло случиться, что в высшем большевистском руководстве, где его партийные чины были хорошо знакомы, например, с оценкой Ф. Энгельса о сущности гомосексуализма как процесса «превращения свинства в теорию» (письмо К. Марксу от 22 июля 1869 г. — *В. И.*) и той морально-политической опасностью для партии и государства, которую он таит в себе, а также помнящие разоблачение В. И. Лениным сторонников гомосексуализма как «изнеженной развращенной и выродившейся общественной группы, являющих собой образец самого гнусного паразитизма»⁴⁶, почти два десятилетия фактически не замечалось явление, которое, на его взгляд, вдруг приобрело столь внушительную угрозу для безопасности государства?

Как бы неожиданно к лету 1933 г. выяснилось, что гомосексуализмом в Ленинграде оказывались охвачены самые разные слои населения, а педерасты, по оценке властей, срослись с опаснейшими врагами советской власти и государства. «Вдруг» обнаружилось, что у государства даже нет соответствующего правового обеспечения борьбы с ним, а действующие законодательные акты применяются лишь по отношению к насильникам-педерастам в режиме соответствующей аналогии и т. п.

На деле большевистскому лицемерию не было предела. Следует сразу заметить, что научное определение и практический смысл гомосексуализма (гр. *homos* — одинаковый, взаимный + лат. *sexualis* — половой) как полового влечения к лицам своего пола, большевистские вожди и их ставленники на местах, безусловно, понимали хорошо. Знали они и что такое педерастия и педераст, неоднократно употребляя эти выражения при оценках своих недавних союзников и друзей, правда, чаще не в узком смысле слова как половой акт через задний проход между мужчиной и мальчиком, или как о человеке, обуреваемом содомией, оскотинившемся половом извращенце, сексуальном падальщике, а широком — как изгадившихся политических сутенерах, двурушниках.

Очевидно, не все им было понятно с педикаторами, кинедонами, парафилией и т. п., но сложившуюся ситуацию вокруг гомосексуализма вообще и педерастии в частности, в советской России в период с 1917 по 1934 г. ни казусом, ни парадоксом не назовешь, и уж тем более неосмотрительностью большевиков — больших ревнителей пролетарской, социалистической нравственности.

В оценках гомосексуализма и педерастии в особенности в эти годы у властей, общества и церкви сложилось несколько принципиально отличных друг от друга представлений и позиций. Вместе с тем, по ряду оценочных подходов точки зрения совпадали. При этом как у сторонников, так и у противников свободной любви главным объектом в оценочных суждениях и действиях

выступало не собственно явление, как сложный конгломерат определенных зависимостей, а сам гомосексуалист, «отчужденный» от социально сконструированной среды, как чувственно иной, и в некотором роде закрытый, непроницаемый.

Во-первых, некоторые были убеждены в болезненном психо-физиологическом происхождении этого, как им представлялось, недуга, аномалии, излечить которые при помощи социального (педагогического, карательного и др.) «врачевания» попросту невозможно.

Сторонники данного подхода пытались найти научное объяснение этому феномену. В арсенале их аргументаций были довольно убедительные факты. В расчет шли не только лабораторные и специальные наблюдения, но и авторитетные, на их взгляд, заключения и факты из истории полоролевых отношений в истории человеческого общества. Им показалось убедительным высказывание И. Блоха, который, ссылаясь на знаменитого арабского врача средневековья Ибн Сина (Авиценна), утверждал, например, что педерастия есть «физический недостаток»⁴⁷, а И. С. Кон, исследующий эту проблему в советской России в 20-е–30-е гг., был абсолютно убежден, что советская медицина придерживалась в этот период официальной позиции по поводу гомосексуализма как трудноизлечимой, или даже вовсе неизлечимой болезни⁴⁸.

Считалось также, что немецкий психиатр Рихард фон Крафт-Эбинг (1840–1902 гг.), чьи труды были хорошо известны в советской России, научно обосновал выводы о том, что гомосексуализм не есть проявление злой воли, а болезненное расстройство, которое следует не карать, а лечить⁴⁹. Он, в частности, отмечал: «У мужчин физиологически единственным эрогенным поясом является головка полового члена и, быть может, также кожа наружных половых органов. При патологических условиях задний проход может также быть эрогенной областью, и этим вероятно, объясняется... и пассивная педерастия»⁵⁰.

Правда, проходивший по делу ленинградских гомосексуалистов педераст И. Н. Скобелев по кличке «Жанетта», оказался единственным из 175 арестованных в августе-октябре 1933 г. приверженцев свободной любви, кто был признан медицинской комиссией психически больным, и в конце сентября этого же года помещен в психбольницу для принудительного лечения⁵¹. Возможно, прав Ф. Каприо, изучавший эти проблемы, что гомосексуалисты как группа не понимает своего «бессознательного», вследствие этого находя трудным делом дисциплинировать себя⁵².

Во-вторых, было немало тех, кто считал гомосексуалистов и особенно педерастов преступными типами, извращенцами, умышленно разлагающими молодых людей, дискредитирующими общественную нравственность и советскую власть. Одни подозревали, что существованию гомосексуальных

половых отношений способствовала ничем не прикрытая гомосексуальная проституция в Ленинграде все 20-е гг. Другие приписывали исключительно им широко распространяющиеся в городе венерические заболевания, хулиганство и изнасилования.

Представляется, что в этих суждениях и пересудах большинства горожан отражались некие защитительные рефлексии, всегда срабатываемые в ситуации какой-либо дисгармонии общественной жизни и отношений. Разумеется, мало кто из них знал, что среди арестованных в Ленинграде педерастов в августе-октябре 1933 г. не было ни одного уголовника-рецидивиста. Следственные действия осуществлялись в отношении 89 служащих, 29 артистов и художников, 14 научных сотрудников и преподавателей, 24 рабочих, 2 служителей культа, 2 лиц без определенных занятий, а также 13 безработных, большинство из которых не было удовлетворено предложенными им условиями работы и т. п.

В то же время и в городских медицинских кругах были специалисты, которые рассматривали педерастию прежде всего как следствие развращенности, приводя, в частности, классический пример с ситуацией, когда пассивный и перекресный онанизм становился предтечей и других половых извращений. Если при этом находился соблазнитель, как утверждал все тот же Рихард фон Крафт-Эбинг, с чьим мнением многие были согласны, то онанист превращался в педераста. Советские специалисты соглашались с его оценкой и о старых развратниках, пресыщенных нормальными половыми наслаждениями и ищущих в педерастическом акте новых, неиспытанных ощущений. «Таким путем, — писал немецкий психиатр, — они временно восстанавливают свою психическую и физическую потенцию, нередко очень ослабленную»⁵³. Показания арестованных педерастов «в возрасте» Н. Н. Ефремова, М. П. Бычкова, М. П. Хохлова, Н. И. Буркова и других полностью подтверждали это научное наблюдение выдающегося психиатра и отечественных специалистов. Неудержимым поиском новых ощущений объясняли, например, свои «томления и страсти» С. Е. Мемех, женатый ленинградец, имеющий 5 детей от 9 до 23 лет, и Г. М. Павлов, проживавший с женой и 3-мя детьми 24-х, 22-х и 17 лет на Загородном пр., д. 98, кв. 8, а также некоторые другие педерасты⁵⁴.

Проводящим расследование сотрудникам ПП ОГПУ в ЛВО, очевидно, и в голову не приходила мысль о связи сексуальной извращенности их подследственных, например, с природой неврозов⁵⁵, или мысль рассматривать подобные извращения как состояния, при которых появляется патологическая направленность полового влечения и искажаются формы его реализации⁵⁶. Более того, не делались попытки даже поверхностного анализа различных психогенных и средовых факторов, воздействующих на формирование у психопатических личностей сексуальных извращений. Ни в одном следственном деле педерастов, в том числе и И. Н. Скобелева (официально признанного больным. — *В. И.*), нет и намека на то, что на возникновение

извращений у них заметную роль сыграли, и не могли не сыграть психические травмы, полученные в детстве, неправильное половое воспитание, ранние половые контакты, связанные с изнасилованием и растлением. Современник этих событий А. Б. Залкинд писал о том, что «половые извращения всегда указывают на грубый период половой жизни в сторону голой чувствительности, на резкий недостаток социально-любвных стимулов в половом влечении»⁵⁷. Чаще всего именно в этих «недрах» формировались сексуальные садисты с их выраженным нарциссизмом, испытывающие эмоциональную изолированность даже при наличии взаимоотношений, общения и социального взаимодействия⁵⁸.

Не один только И. Блох, но и многие другие, в том числе Рихард фон Крафт-Эбинг подчеркивали влияние исключительно мужского времяпрепровождения (в казармах, кораблях, тюрьмах и др.), при котором «развращенность является средством полового удовлетворения за неимением лучшего...»⁵⁹ Неслучайно клиентами так называемых «салонов» ленинградских гомосексуалистов, по версии ПП ОГПУ в ЛВО, были преимущественно краснофлотцы и красноармейцы местного гарнизона, реже молодые рабочие предприятий города и студенты.

В-третьих, в самой среде гомосексуалистов, судя по следственным материалам, полагали, что большевистский переворот впервые в российской истории создал условия для подлинной сексуальной революции, а начавшиеся гонения на педерастов в Ленинграде расценивали как «предательство», отказ властей от прежней толерантности в оценках и к практике однополрой любви и отношений. Гомосексуалисты в советской России, очевидно, были уверены в том, что вопросами сексуальной ориентации правящая большевистская элита умышленно не занималась на протяжении нескольких лет после 1917 г.⁶⁰ Как известно, царское антигомосексуальное законодательство было отменено не большевиками, а Временным правительством, а с отменой СНК РСФСР старого Уложения о наказаниях соответствующие его статьи также утратили юридическую силу. В то же время, в Уголовных кодексах РСФСР 1922 г. и 1926 г. гомосексуализм не упоминался вообще, хотя, как полагает А. М. Смирнов, отношение большевистского руководства к гомосексуализму и его представителям было скорее враждебным, и они, в частности, могли преследоваться за содержание притонов разврата⁶¹. Поэтому объединенное следственное дело № 6174 (1933 г.), расследуемое СПО ПП ОГПУ в ЛВО, первоначально получило название «Объединения гомосексуальных притонов в г. Ленинграде», куда и подтянули не только их владельцев, но и установленных клиентов.

Действительно, уголовному наказанию (по Кодексам 1922 и 1926 гг. — *В. И.*) подлежало лишь насильственное мужеложство, которое, как мы уже замечали ранее, охватывалось составом изнасилования. После 1926 г. насильник мог получить наказание до 5 лет лишения свободы. Статьями 166, 167, 168 УК

РСФСР 1922 г. и статьями 151,152 УК РСФСР 1926 г. устанавливалась уголовная ответственность и наказание в случае добровольного полового акта (простого, а также сопряженного с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенных формах) с лицом, не достигшим половой зрелости, а также развратных действий в отношении их. Получалось, что только добровольность и совершеннолетие становилось для гомосексуалистов советской России важной «государственной гарантией» их безопасности при получении наслаждения «мечтаниями вместе».

В эти годы среди советских гомосексуалистов широкое распространение получили разговоры о вступлении СССР в 1928 г. во Всемирную лигу сексуальных реформ, основанную М. Хиршфельдом, посетившим СССР еще в 1926 г. по приглашению советского руководства и якобы заявившим на Копенгагенском конгрессе (1928 г.), на котором и была основана эта Лига, о том, что советская Россия была единственной образцовой страной секс-терпимости. Правда, Вильгельм Райх, австрийский врач и психиатр, посетивший Москву в 1929 г. в надежде найти здесь «мекку сексуальной свободы», был поражен половым аскетизмом и жесткими моралистическими установками⁶². Не знали советские педерасты и о том, как тот же М. Хиршфельд, будучи руководителем Научно-гуманитарного комитета, пытался через советское посольство в Берлине в 1928 г. выяснить сущность психиатрического лечения гомосексуалистов в СССР в эти годы, а позже, после 1933 г., призвавшего Запад более критичнее относиться к так называемой гомосексуальной свободе в советской России.

Ответы на эти и другие вопросы апологетов свободной любви о положении и судьбе гомосексуалистов в СССР, по мысли руководства страны, можно было найти в Большой советской энциклопедии, где отмечалось, что «советское законодательство не знает так называемых преступлений, направленных против нравственности. Наше законодательство, исходя из принципа защиты общества, предусматривает наказание лишь в тех случаях, когда объектом интереса гомосексуалистов становятся малолетние и несовершеннолетние»⁶³. Однако, как справедливо замечает Т. М. Смирнова, тень сомнения на «разложившиеся в бытовом отношении» элементы вы атмосфере нарастания социальной агрессии и психоза доносительства начала 1930-х гг., уже была брошена⁶⁴. Практически сформировалась новая категория так называемых социально опасных элементов, тлетворных и вредных, в число которых были отнесены властями и гомосексуалисты.

Разумеется, речь шла об обычных, рядовых гражданах страны. Покаявшийся в апреле 1939 г. бывший Нарком внутренних дел Союза ССР Н. И. Ежов в «длительной подверженности пороку педерастии»⁶⁵, хотя об этом знал еще ранее И. В. Сталин, его соратники и многие другие, после антигомосексуального закона 1933 г. к ответственности привлечен не был, а

напротив, — активно двигался по служебной лестнице. Раздраженный тем, что из тюрем ГУГБ НКВД СССР в его адрес постоянно поступают письма оскорбительного содержания, в которых он именуется то «папой» (активно-пассивным педерастом. — *В. И.*), то «петухом», «козлом», «чушком» и т. п., он приказал в феврале 1937 г. посадить в карцер на 20 суток заключенных Ш. А. Карсанидзе, В. М. Смирнова, В. В. Кузьмина, Д. И. Строгонова, Р. М. Гольдберга, Г. Г. Марголина-Сигала, А. Н. Гогуа и многих других за эти выпады⁶⁶. Получается, что Сталин учился у Ленина, который, по оценке А. М. Смирнова, вынужденно терпел гомосексуалиста Г. В. Чичерина, последовательницу свободных сексуальных отношений А. М. Коллонтай и других «нетрадиционалистов» в своем окружении⁶⁷.

Можно лишь предположить, что значительной части ленинградских гомосексуалистов к началу 1930-х гг. было известно отношение православной церкви и правоверных прихожан к их богопротивному пороку и действиям. Обычно не только священнослужители, но и простые миряне помнили о наставлении из книги Левит «не ложится с мужчиною, как с женщиною: это мерзость»⁶⁸, а также осуждение поступков, когда «...мужчины, оставивши естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение», ставшее известным верующим и иным через Послание к римлянам святого апостола Павла⁶⁹.

Надо ли говорить о том, что в российском обществе советского периода было далеко не терпимое отношение к гомосексуализму вообще, и его адептам в частности. Гомосексуализм очевидно воспринимался в сознании верующих людей и их окружающих единомышленников как искажение, сознательное извращение Божьего замысла в человеке⁷⁰.

Мерзопакостный опус типа «Иисус Христос — гомосексуалист», сочиненный украинским эмигрантом В. Бульбой⁷¹, оскорбительно рассуждающим о русской православной нравственности, можно расценить лишь как жалкую попытку реабилитации педерастов перед обществом. Они, как показывал на следствии Л. К. Лисенко, не раз в «Собачем саду» становились участниками «философского» диспута, вроде «Был ли Христом гомосексуалистом», весь смысл которого сводился едва ли не к определению их извращенности как божественной святости⁷².

Наиболее пренебрежительное отношение к гомосексуалистам, а также разного рода извращенцам и психически неуравновешенным гражданам, проявляли в этот период сотрудники органов милиции, государственной безопасности, суда и прокуратуры, работники райкомов и райисполкомов и других советских учреждений, которые в 1920-е — начале 1930-х гг. были втянуты в жилищно-бытовые «разборки» с участием, по их оценкам, этих квазисоветских

личностей, на их взгляд — маргинальных субъектов, ненадежных, опасных типов и т.п.

Изучавший криминологические проблемы в области половых отношений П. И. Люблинский в середине 1920-х гг. предупреждал власти и «правоохранителей» от поспешных оценок пагубного влияния гомосексуализма на советское государство и общество. Он перечислял типичные, с его точки зрения, заблуждения, фобии и мифы в отношении к гомосексуалистам, имеющие широкое распространение в советском обществе этого периода. Автор был убежден в том, что государственные соображения, выдвигавшиеся против гомосексуализма и его носителей, должны были прежде всего исходить «из учета практической пользы от карательного вмешательства государства в области этих отношений»⁷³.

А. Б. Залкинд в свою очередь призывал в этот период активизировать классовость «всего общественного процесса, придать отношениям большую социальность, классовую ненависть с тем, чтобы погасить, в том числе, «безответственно легкое половое насыщение»⁷⁴. Именно этот призыв, опасный по своей сути и направленности, и был реализован властями при помощи правоохранительных органов, в которых, как считает С. Щербаков, «интенсивно насаждалась весь советский период гомофобия и склонность к насилию по отношению к «голубым»⁷⁵.

Выявлять лиц с пониженной социальной ответственностью и морально разложившихся требовал от органов госбезопасности на местах циркуляр ОГПУ при СНК СССР № 209/ СПО в 1932 г. «Об усилении оперативного обслуживания учащейся молодежи и интеллигенции»⁷⁶. В мае 1933 г. еще один циркуляр ОГПУ СССР № 72 «Об организованных и оперативных мероприятиях в связи с проведением паспортизации» ставил задачу по оказанию помощи местным органам милиции по наведению должного порядка в городах, на железных дорогах и в населенных пунктах путем проведения тщательной проверки прошлого и настоящего всех сомнительных лиц, связанных с преступными и антиобщественными группами...⁷⁷ Речь шла в том числе и о гомосексуалистах, проститутках, ворах-гастролерах, и др. 12 августа 1933 г. начальник Управления рабоче-крестьянской милиции г. Ленинграда и области в своем приказе № 65/с высказывал неудовольствие общим ходом и итогами проверки этих лиц и мерами по их репрессированию⁷⁸.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в Ленинграде «очистке» подверглись не только партийные оппозиционеры, но и проститутки, гомосексуалисты, другие деклассированные типы. Расправам над ними практически никто не сочувствовал. «Немного ли у нас в городах всякого сброду?» — переспрашивали друг друга горожане. Поэтому, когда в ноябре 1929 г. расстреляли нескольких уголовников с партийными билетами, рабочие некоторых крупных заводов с одобрением встретили этот акт. «ГПУ — молодец,

говорили рабочие фабрики им. Я. М. Свердлова, ни с кем не считается, арестовывает и расстреливает самых наиответственнейших работников...»⁷⁹ В этом угаре расправ ленинградские педерасты вообще могли стать хламом, мусором, лишними людьми. Летом – осенью 1933 г. так оно и случилось.

- 1 Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 184.
- 2 У Г. Е. Зиновьева в этот период действительно были не самые лучшие времена. В октябре 1932 г. он был повторно исключен из партии и, по его же оценке, совершенно не владел обстановкой в Ленинграде. (См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 79.)
- 3 О поджоге Рейхстага (Из «Коричневой книги»). М., 1933. С. 17, 25.
- 4 Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 774. Л. 1.
- 5 Там же. Л. 72.
- 6 Там же. Л. 75.
- 7 Кон И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М., 1997. С. 129.
- 8 Гомосексуализм. Проституция. Методическое пособие / Авт.-сост. В. И. Чемоданов, А. В. Гришин. М., 1990. С. 6.
- 9 Хождение по канату с ограниченными средствами и другие революционные действия Джули Дорфи и Маши Гессен // ТЫ. Иллюстрированный журнал для гомосексуалистов и лесбиянок. 1992. № 1. С. 9.
- 10 Иванов В. А. Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в советской России в конце 20-х–40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С. 59–61.
- 11 Кон И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. С. 139.
- 12 Хили Д. Однополый секс в России (1917–1965). М., 1997. С. 4.
- 13 Кербер Е. Как советская Россия борется с преступностью. М., 1933. С. 61.
- 14 Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 64, 66.
- 15 Аничков Н. М. Людвиг-Ашофф: 145 лет со дня рождения // Архив патологии. Т. 73. 2011. № 1. Январь-февраль. С. 9.
- 16 Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — АУФСБ РФ по СПб и области). Д. П–82 888 (1933): В 8 т. Протокол допроса В. Д. Малюкова; показания Л. К. Лисенко; протокол допроса И. И. Хабаровского; протокол допроса Е. Г. Геркена; протокол допроса В. А. Александрова и др.
- 17 Там же. Ф. 8. Оп. 2. П. 66. Т. 2. Л. 192.
- 18 Там же. П. 93. Л. 427.
- 19 Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 4965. Оп. 3. Д. 2. Л. 41.
- 20 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2501. Л. 52.
- 21 ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 3. Д. 1. Л. 26.
- 22 АУФСБ РФ по СПб и области. Д. П–82888 (1933). Протокол допроса И. И. Хабаровского от 16 августа 1933 г. Копия. Т. 8. Л. 2.
- 23 Там же. ФУД. Следственное дело № 20644 (1934): В 2-х т. Т. 2. Л. 163, 164.
- 24 Чуйкина С. А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 54, 58.
- 25 Отдел специальных Фондов Информационного Центра Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области (далее — ОСФ ИЦ ГУВД СПб и области). Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 11, 12.
- 26 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.
- 27 Смирнов А. М. История государственного преследования и преступности в отношении лиц с сексуальными инверсиями в зарубежных странах и России / Под ред. докт. юр. наук, докт. мед. наук, проф. Б. А. Спасенникова. М., 2011. С. 134.

- 28 Попов В. П. Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.) // *Социологические исследования*. 1995. № 8. С. 3–6; Суслин Э. В. Анализ правового режима паспортного контроля в СССР в предвоенный период // *История государства и права*. 2006. № 1. С. 34–36.
- 29 АУФСБ РФ по СПб и области. Ф. 8. Оп. 24. П. 9. Л. 289.
- 30 Там же. Арх. № 97 (1933). Л.18.
- 31 Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 4. Д. 4. Л. 70.
- 32 ЦГАИПД СПб. Ф. 24 Оп. 1. Д. 316. Л. 86.
- 33 Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920– 1930 годы. (Социально-архитектурное микроисторическое исследование). СПб., 2010. С. 151.
- 34 Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. С. 169.
- 35 Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.): Предисл. И. С. Кона. М., 1994. С. 208.
- 36 ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 3. Д. 2. Л. 65.
- 37 Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999. С. 272. — Как утверждает Ш. Фицпатрик, несмотря на то, что уже в середине 1930-х гг. советское государство перешло на позицию защиты семьи и материнства, в стране до 1940 г. существовал «институт свободного брака», и что государство тем не менее становилось на сторону женщин, занимаясь упрочением семьи, борясь с легкомысленными отношениями к ее созданию (См.: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. С. 172–173).
- 38 ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 3. Д. 2. Л. 6.
- 39 АУФСБ РФ по СПб и области. Д. П–82888 (1933). Т. 8. Протокол допроса В. Д. Малюкова от 1 сентября 1933 г. Л. 5, 6; Протокол допроса Л. К. Лисенко от 15 августа 1933 г. Л. 1–7; и др.
- 40 Там же. П–9702 (1934). Показания Л. К. Лисенко от 14 августа 1933 г. Л. 28.
- 41 Там же. Ф. 8. Оп. 59. П. 90. Л. 108.
- 42 Синдаловский Н. А. Пороки и соблазны Северной столицы. Советская и уличная жизнь в городском фольклоре. М., 2007. С. 328.
- 43 АУФСБ РФ по СПб и области. Д. П–82888. Т. 8. Показания Л. К. Лисенко от 15 августа 1933 г. Л. 1.
- 44 Там же. Обвинительное заключения по следственному делу № 6174 (1933). Л. 20.
- 45 Там же. Д. П–9702. Л. 26.
- 46 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 203; Ленин В. И. Соч. Изд. 2-е. Т. 12. С. 94–95. — Автор статьи умышленно отсылает современного читателя к работам классиков марксизма-ленинизма (опубликованным на момент событий, связанных с репрессиями гомосексуалистов в советской России) для наиболее полного представления о возможностях партийно-советских функционеров знакомиться с их содержанием в начале 1930-х гг.
- 47 Блох И. История проституции. СПб., 1994. С. 516.
- 48 Кон И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. С. 152.
- 49 Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства. М., 1996. С. 6. — Один из первых переводов данной работы в России в 1902 г. был официально уничтожен по постановлению Комитета министров, но уже в 1906 г. был вновь издан в Санкт-Петербурге без всяких сокращений и стал одной из авторитетнейших работ в России по этим проблемам.
- 50 Там же. С. 53.
- 51 АУФСБ РФ по СПб и области. Д. П–9702 (1934). Следственное дело Скобелева И. Н. Л. 50.
- 52 Каприо Ф. Многообразие сексуального поведения. М., 1995. С. 114.

- 53 Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства. С. 562.
- 54 АУФСБ РФ по СПб и области. Д. П-82888 (1933). Т. 8. Л. 43,48.
- 55 Паджаковска К. Извращение. М., 2002. С. 47, 48.
- 56 Сексуальные извращения: Отклонения в сексуальном поведении человека. М., 2004. С. 4.
- 57 Залкинд А. Б. Половой вопрос в условиях советской общественности: Сб. статей с предисл. автора: Два года дискуссии по половому вопросу. Л., 1926. С. 58 Ткаченко А. А. Сексуальные извращения — парафилии. М., 1999. С. 223–224.
- 59 Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства. С. 561.
- 60 Щербаков С. Снова об Уголовном кодексе // ТЫ. Иллюстрированный журнал для гомосексуалистов и лесбиянок. 1992. № 1. С. 26.
- 61 Смирнов А. М. История государственного преследования и преступности в отношении лиц с сексуальными инверсиями в зарубежных странах и России. С. 133, 134. — Д. Хили считает, что большевики принимая новые Уголовные кодексы оказались заложниками своей декларации о свободе личности, разрешив таким образом и свободу в области сексуальных отношений. См.: Хили Д. Однополый секс в России (1917–1965). С. 4.
- 62 Кон И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. С. 151.
- 63 Серейский М. А. Гомосексуализм / Большая Советская Энциклопедия. Т. 17. М., 1930. С. 593.
- 64 Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917– 1936 годы. М., 2003. С. 228–229.
- 65 Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов / Н. Петров, М. Янсен. М., 2008. С. 28–29.143

- 66 ОСФ ИЦ ГУВД СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 22 об.
- 67 *Смирнов А. М.* История государственного преследования и преступности в отношении лиц с сексуальными инверсиями в зарубежных странах и России. С. 134.
- 68 Левит. Гл. XVIII. Ст.22 / Толковая Библия. Кн. 1. Комментарий на все книги святого писания / Под общ. ред. А. П. Лопухина. М., 2004. С. 208.
- 69 Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические в русском переводе с Параллельными местами. М., 1992. С. 189.
- 70 *Ельников С.* Православное учение о человеке и гомосексуализм / Человек и пол. Гомосексуализм и пути его преодоления / Пер. с англ. М., 1998. С. 9.
- 71 *Евгеньев К.* Иисус и его двенадцать любовников // АРГО. Иллюстрированный эротический литературно-публицистический журнал для геев. 1996. № 4. С. 6.
- 72 АУФСБ РФ по СПб и области. Д. П–82888 (1933). Т. 8. Показания Л. К. Лисенко от 30 августа 1933 г. Л. 5.
- 73 *Люблинский П. И.* Преступления в области половых отношений. М.; Л., 1925. С. 128.
- 74 *Залкинд А. Б.* Половой вопрос в условиях советской общественности: Сб. статей с предисл. автора: Два года дискуссии по половому вопросу. С. 34.
- 75 *Щербаков С.* Снова об Уголовном кодексе С. 27,28.
- 76 ОСФ ИЦ ГУВД СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11. Л. 136.
- 77 АУФСБ РФ по СПб и области. Ф. 8. Оп. 59. П. 92. Л. 387.
- 78 ОСФ ИЦ ГУВД СПб и области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 197–199.
- 79 «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 7. 1929 год. М., 2004. С. 656.